

На сцену выплескивается яркий, разноцветный вихрь. Взвивается блестящий шелк свободных одеяний, блики света дробятся в золотых украшениях, сверкают сквозь прорези масок глаза, стремительно кружение тел...

А площадной рассказчик Чиголотто в черном шелковом плаще, напоминающем пончо, начинает повествование о странной и драматичной истории короля Серендиппа Деремо. Идет пролог спектакля «Король-Олень». Группа выпускников Болгарского высшего института театрального искусства имени Кристо Сарафова выступает на сцене Учебного театра Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Дружба, связывающая два института, имеет традиции давние и прочные. У нее крепкая основа — общность идейных и творческих поисков и задач.

В «Король-Олене» играют воспитанники актерского класса заслуженного деятеля культуры профессора Цветаны Стояновой и народного артиста, Героя Социалистического Труда НРБ профессора Сашо Стоянова. Он же является и постановщиком этого спектакля. Сашо Стоянов — режиссер самобытный, неустанный искатель новых путей, знающий цену смелого эксперимента в искусстве. Об этом говорит и выбор театральной сказки Карло Гоцци. Гоцци ведь не частый гость и на нашей, и на болгарской сцене. Сплетение буффонады, приемов комедии дель-арте, изысканности проблематики требовало от молодых актеров отличной

техники, богатства пластичности, внутренней психологической подвижности.

«Король-Олень» — спектакль поучительный и трогательный, забавный и печальный, полный резких переходов от фарса к ситуациям остро драматическим. Здесь предательство и коварство сталкиваются с доверчивой открытостью любви и дружбы, жадность — с бескорыстием, пошлость — с ис-

контурными обозначенных на щитах кулис. Декорации (весама скупые), цветовая гамма, игра света (художник Румяна Троцанова) обладают своим ритмом, поддерживающим общую ритмическую партию спектакля. «Король-Олень» ВИТИЗа в высшей степени музыкален. Оркестра тут нет. Плянист и ударник (бойко Богданов и Александр Илиев — оба будущие режиссеры) тонко и умело ведут основные

теперь бездыханное тело. Деремо, наделенный даром сочувствия, как раз из-за наивной доверчивости попадает в сети коварного своего министра Тарталья и вынужден испытать все опасные неудобства превращения то в Оленя, то в хромого нищего старика. Гоцци выдвигает тут трагический поединок добра и зла. Создатели спектакля к трагедии, пожалуй, и не приближаются. Они разыгрывают ситуацию с

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

КОМЕДИЯ МАСОК

тинной поэтичностью души. Здесь торжествуют преданность и вежливость, уважение к жизни. Хотя, как положено в сказке, победа добра происходит не без помощи волшебника Дурандарт, в сущности, его вмешательство лишь проявляется до конца человеческие свойства, характеры героев.

Сашо Стоянов создает спектакль-игру, зрелище, которое, кажется, легко может шагнуть на площадь, так насыщено оно движением, почти акробатическими трюками, элементами наивной пантомимы, лукавым озорством. Есть полетность, радость существования в раскованных (подчас рискованных), непрестанно меняющихся конфигурациях гибких тел. Сашо Стоянов вольно сочетает тут приемы восточного театра, комедии масок, народного болгарского театра... Он остается подлинно национальным художником, впитывая, преобразяя традиции искусства разных стран.

Трансформация тоже входит в условия игры. Сброшены нарядные плащи-туники, вскинуты над головами скрещенные руки — и сблизил в трепещущее стадо изящные, пугливые олени, рассыпались, скользнули в сплетение ветвей, лишь

темы и не сопровождают, а активно направляют развитие действия. Дело не только в том, что на сцене много поют, что в каждом движении молодых героев отзвук танца. Музыкальность в самой природе пластики персонажей, в ритмах (пусть еще не всегда выверенных, не всегда выдерживаемых) мизансцен.

Открытая театральность для Сашо Стоянова и его учеников не самоцель. Их задача сложнее и глубже. Они стремятся к органике сценического существования в вероятных, фантастических «предлагаемых обстоятельствах» сказки Гоцци. И Добричу Стоянову, Миглену Мирчеву, Адриане Патровой, Дечко Чунтову — да, в сущности, всей слаженной, живущей как бы на едином дыхании труппе — свойственна эта естественность и искренность реакции. Трудно было бы здесь выделить кого-то особо.

Простодушно — так надо, и что ж тут такого? — принимает король Деремо два дара волшебника Дурандарт: возможность проверить искренность женского сердца и заклятие, при помощи которого живая душа может переселяться в любую земную оболочку,

затаенным чувством тревоги, но прежде всего с юмором, с неизменной верой в конечную победу светлого начала. Потому вовсе не страшен Тарталья, актер вносит в игру ноты иронии, чуть пренебрежительной насмешки.

Конечно, в «Король-Олене» нет полноценных характеров, разработанных психологических состояний. Гоцциевская комедия масок для этого и не дает материала. Но вот что существенно: в спектакле не теряются индивидуальности персонажей. У каждой маски свой душевный настрой, свой характерный облик — контрастно намеченный абрис характера.

Мажорная, звонкая нота проходит через весь спектакль. Молодые выпускники болгарского института приносят на сцену мироощущение радостное, жизнеутверждающее. Сашо Стоянов воспитал уже не одно поколение болгарских актеров. Новый его выпуск и этот показанный нам в Ленинграде искрящийся спектакль говорят о душевной молодости самого воспитателя.

Г. ЛАПКИНА,
доктор искусствоведения,
профессор ЛГИТМиК

10 Июль 1984
С М Е Т К